

Л.В. ИВАНОВА

СОМАЛИ: НАДЕЖДА НА МИР В “САМОМ ОПАСНОМ МЕСТЕ НА ЗЕМЛЕ”

Сомали – восточноафриканское государство, населенное кочевыми и оседлыми сомалийцами, которые разделяются на несколько кланов: дир, дарод, исаак, хауййе, рахануэйн и др. Клановое деление – основа сомалийского общества. Нередко, происходя от одного предка и породнившись посредством межклановых браков, кланы тем не менее враждуют между собой из-за территории для выпаса скота, из-за обладания и без того скудными природными ресурсами, а в настоящее время – из-за доступа к власти.

В IX–XVI вв. до прихода португальцев на территории Сомали существовали султанаты, которые постоянно вели религиозные войны с соседней христианской Эфиопией. Практически 100% населения Сомали исповедует ислам суннитского толка, среди них много приверженцев суфизма, практикующих некоторые сомалийские доисламские культы. В конце XIX в. мусульманский проповедник Саид Мохаммед Абдилле Хасан (“бешеный мулла”, как его называли британцы) длительное время вел борьбу с итальянскими и английскими колонизаторами под лозунгами джихада и национально-освободительного движения, проповедуя идею создания Великого Сомали. Однако Сомали все же оказалось разделенным между Францией (территория современной Республики Джибути), Великобританией (территория современного самопровозглашенного государства Сомалиленд) и Италией (южные районы Сомали). Именно это насильственное колониальное деление стало стимулом к возрождению в 1970-х годах идеи о создании Великого Сомали – объединении пяти территорий (к трем вышеупомянутым добавилась территория Огадена, принадлежащая Эфиопии, и северо-восточные районы Кении), населенных этническими сомалийцами.

В 1960 г. Сомали получило независимость, Итальянское Сомали и Британское Сомали объединились в Сомалийскую республику, бывшее Французское Джибути в результате референдума в 1977 г. стало называться Республикой Джибути. В 1969 г. в результате военного переворота к власти в Сомали пришел генерал Мохаммед Сиад Барре, объявивший курс на строительство исламского социализма. В период диктатуры Барре (1969–1991 гг.) экономика страны процветала, были достигнуты значительные успехи в области образования и просвещения, велась борьба с кланизмом, но в то же время государственные должности получали представители клана марехаан (дарод), к которому принадлежал Барре, а инакомыслие жестко пресекалось. Сильнейшая засуха, как следствие голод и недовольство населения политикой правительства, очередные неудачные попытки захватить Огаден, появление оппозиционных центральной власти групп привели к падению диктатуры С. Барре.

В 1991 г. Сомали как государство фактически прекратило свое существование, утратив все атрибуты единой государственности и распавшись на территории, контролируемые враждующими между собой полевыми командирами. Северная часть страны

Иванова Любовь Владимировна – кандидат исторических наук, старший сотрудник Центра африканских исследований Института всеобщей истории РАН.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФГФ, грант № 13-01-00010.

провозгласила свою независимость как Республика Сомалиленд в 1991 г., оставаясь при этом официально непризнанной. Своего президента в 1998 г. избрали и в автономном регионе восточной части Сомали Пунтленде, об автономии заявили еще несколько районов Сомали. В условиях отсутствия центральной власти Сомали превратилось в оружейную и тренировочную базу для исламских террористов. Пираты, пользуясь чрезвычайно выгодным стратегическим положением Сомали и относительной безнаказанностью, начали грабить проходящие суда и захватывать заложников. Попыткой установить стабильность в стране стал приход к власти в 2006 г. возникшего в середине 1990-х годов Союза исламских судов (СИС). Период его пребывания у власти отмечен долгожданной стабильностью и безопасностью в Сомали. Правление СИС, несмотря на ужесточение мусульманских норм, пользовалось поддержкой местного населения, однако вызывало озабоченность в других странах в связи с ростом угрозы исламского терроризма по всему миру. В 2009 г. один из лидеров СИС Шейх Шариф Ахмед был избран президентом Сомали. СИС прекратил свое существование, однако ему на смену пришла исламистская радикальная организация аш-Шабааб, имеющая связи с аль-Каидой, но официально не вступившая в нее.

Попыткой найти очередной компромисс стало избрание в 2012 г. на должность президента Хассана Шейх Мохамуда, политика и бизнесмена, признанного в 2013 г. британским журналом “Тайм” одним из 100 влиятельных людей в мире.

Современное Сомали в целом представляет собой идеальную иллюстрацию неблагоприятного места во всех отношениях – засуха, голод, война, религиозный экстремизм, пиратство. Недавние террористические атаки в торговом центре в Найроби (Кения), захваты судов у берегов Сомали свидетельствуют о том, что с движением аш-Шабааб и пиратством в Сомали необходимо не только считаться, но и изучать, выявлять истоки их появления и причины существования. За последние 10 лет публикации по Сомали в основном касались “неблагополучных” сторон жизни в этой стране. Гуманитарные организации интересовались жизнью сомалийских беженцев, проблемами голода, насилия. Задачи сбора средств и привлечения гуманитарной помощи побуждали создавать в СМИ образ несчастных голодных и изувеченных войной и насилием сомалийцев, в основном женщин и детей. Хотелось бы остановиться на трех монографиях, вышедших в 2012–2013 гг.¹, которые, на наш взгляд, формируют более объективный образ Сомали, нежели это делают средства масс-медиа. Эти работы создают если не позитивное, то по крайней мере всестороннее представление о Сомали и сомалийцах в настоящее время.

Две книги написаны британскими журналистами, Джеймсом Фергюссоном и Мери Харпер, одна – норвежским исследователем Стигом Ярле Хансеном. Авторы описывают события 2010–2012 гг., участниками и свидетелями которых были лично, либо интервьюировали их непосредственных участников. Взгляды авторов иногда совпадают, иногда они по-разному оценивают происходящее, его причины и последствия. Так, например, Хансен, в отличие от Фергюссона и Харпер, уделяет большое внимание описанию источниковедческой базы своего исследования. Он отмечает, что в интервью ему приходилось неоднократно задавать контрольные вопросы респондентам, чтобы понять уровень их компетенции. Хансен напоминает, что сомалийцы часто обманывают зарубежных журналистов и исследователей, выдавая себя то за членов аш-Шабааб, то за пиратов, исключительно из желания получить деньги за интервью. Авторы практически не ссылаются на исследования друг друга, хотя Харпер, чья книга была опубликована ранее других, принимала участие в обсуждении труда Хансена во время его презентации в Лондоне.

¹ *Harper M. Getting Somalia Wrong: Faith and War in a Shattered State. London, 2012; Hansen S.J. Al Shabaab in Somalia: The History and Ideology of a Militant Islamist Group, 2005–2012. London, 2013; Fergusson J. The World’s Most Dangerous Place: Inside the Outlaw State of Somalia. London, 2013.*

СОМАЛИ ГЛАЗАМИ ОЧЕВИДЦЕВ

Заголовок книги Дж. Фергюссона “Сомали – самое опасное место на земле: внутри сомалийского беззакония” привлекает внимание, с одной стороны, эпатажностью, с другой – обреченностью, уже привычной для разнообразных публикаций, касающихся этой страны. За последнее десятилетие практически все печатные и видеоматериалы о Сомали создают подобный имидж этого государства².

В книге описаны события марта 2011 г. – осени 2012 г., именно в этот период Сомали являлось “самым опасным местом на земле”: в сентябре 2012 г. два террориста-смертника из аш-Шабааб³ совершили теракт в отеле “Могалишо”, где только что избранный Хассан Шейх Мохамуд давал пресс-конференцию. Президент остался жив, однако пять человек, включая солдата АМИСОМ⁴, погибли.

Дж. Фергюссон сотрудничает с “Таймс” и “Экономист”, освещая события в Афганистане и странах Африки более 12 лет, автор нескольких книг⁵. Журналист находит сходство между движением талибов в Афганистане и аш-Шабааб в Сомали, он предлагает ввести в оборот названия сомалийских территорий, контролируемых отдельными кланами, по подобию афганских – “дародистан”, “исаакистан” и др. Посетив на севере Сомали легендарную крепость Талех, где в конце XVIII – начале XIX в. располагался центр национально-освободительной войны под руководством Мохаммеда Абдилле Хасана, журналист вновь отмечает единую тактику ведения боя как дервишей под предводительством муллы, так и афганского лидера Осамы бен Ладена⁶.

Рисую картины разрушенной войной столицы страны Могалишо, Дж. Фергюссон называет этот город современным “африканским Сталинградом”⁷, а ведь его былое величие описано в романах сомалийского писателя Нуруддина Фараха. Однако в центральных кварталах города на оживленных улицах открыты магазины и кафе, пункты обмена валюты с железными клетками, наполненными связками купюр. Но даже здесь он передвигался в бронетранспортере под прикрытием бойцов АМИСОМ. В Могалишо, равно как в большей части центрального Сомали, находится и иностранцам, и местным жителям небезопасно: в любой момент могут появиться бойцы из аш-Шабааб и начать стрельбу.

В бронетранспортере журналист беседовал с британским офицером из АМИСОМ, который поделился с ним своими впечатлениями о стране. Офицер отметил большую роль фильма о провале миротворческой миссии ООН в Сомали в 1993 г. «Падение “Черного ястреба”» в создании стереотипа восприятия Сомали⁸ и уточнил, что падение вертолетов с американскими солдатами было лишь одним эпизодом миссии “Возрождение надежды”, в результате которой гуманитарная помощь все-таки достигла нескольких удаленных районов. Однако зрителям больше запомнилась общая разруха

² См., например: *Gettleman J. Somalia. – The Most Dangerous Place in the World.* – www.foreignpolicy.com/

³ “Шабааб” переводится с арабского как “молодежь”, и “шабааб” (именно с указанием на молодежное объединение) является составной частью названий многих объединений и организаций, в частности футбольных клубов в арабских странах.

⁴ AMISOM (African Union Mission in Somalia) — миротворческая региональная миссия, действующая под мандатом Африканского союза и одобренная ООН. АМИСОМ уполномочен оказывать поддержку Переходному федеральному правительству Сомали, обучать солдат правительственных войск, а также оказывать содействие в создании безопасных условий для доставки гуманитарной помощи.

⁵ *Fergusson J. Kandahar Cockney: A Tale of Two Worlds.* London, 2005; *edem. Million Bullets.* London, 2008; *edem. Taliban: The True Story of the World's Most Feared Guerrilla Fighters.* London, 2011; *edem. Taliban: The Unknown Enemy.* London, 2012.

⁶ *Fergusson J. The World's Most Dangerous Place...*, p. 6.

⁷ *Ibid.*, p. 21.

⁸ Фильм “Падение “Черного ястреба” (Black Hawk Down) снят режиссером Р. Скоттом по книге М. Боудена.

в столице Сомали и жестокость местных жителей по отношению к американским солдатам. Этот фильм бен Ладен использовал для пропаганды идеи о том, что всемогущую Америку возможно победить.

АШ-ШАБААБ

Одна из местных сомалийских организаций, вдохновленная идеями бен Ладена о джихаде и столкновении цивилизаций, аш-Шабааб (полное название – движение муджахидин аш-Шабааб, молодежное движение муджахидин), изначально являлась военным крылом СИС. Аш-Шабааб не монолитная организация, так как ее лидеры не разделяют общих представлений о принципах и идеях борьбы, выступая каждый от своего имени. Связь аш-Шабааб с аль-Каидой представляется очевидной, так как многие ветераны последней принимают участие в аш-Шабааб и выражают готовность оказать ей поддержку, хотя и не торопятся заявлять о вступлении в нее. В 1992 г., когда бен Ладен отправился в Судан, его соратники начали устанавливать контакты с исламистами в Сомали, ожидая найти там дешевых рекрутов, готовых на все, как это некогда произошло в Афганистане, и уже в 1993 г. создали первые тренировочные лагеря аль-Каиды. Однако приоритет клановой принадлежности в структуре сомалийского общества не позволил аль-Каиде создать сильную и объединенную коалицию с аш-Шабааб.

По мнению местных сомалийцев, члены аш-Шабааб – большей частью иностранцы (хотя на самом деле это не так), так как только они могут позволить себе с неуважением относиться к местным святыням и обычаям (например, они разрушают места поклонения суфиев и могилы известных сомалийцев, заставляют не только своих сторонников, но и рядовых местных жителей носить афгано-пакистанский тип одежды, грабят беззащитное население, присваивают гуманитарную помощь, разрешают своим бойцам безнаказанно насиловать женщин и т.п.). В действительности иностранцы (арабы, чеченцы, кенийцы, афганцы и др.) занимают в основном руководящие должности внутри аш-Шабааб. Имамы при мечетях и авторитетные члены аш-Шабааб вербуют местных молодых сомалийцев, а также представителей диаспоры по всему миру. Организация аш-Шабааб ежегодно устраивает соревнования среди юных чтецов Корана, в качестве приза победитель получает оружие и гранаты. Один из судей, награждавших победителей в 2011 г., пояснил, что молодые люди должны одной рукой перелистывать Коран, получая знание, а другой – держать оружие, защищая ислам.

В большинстве случаев рядовые бойцы аш-Шабааб – это юноши, потерявшие родителей и, как следствие, – жизненные ориентиры. Кто-то вступает в аш-Шабааб просто за еду и небольшую сумму денег, однако, как правило, это оказывается всего лишь уловкой. Из рядов аш-Шабааб уйти или убежать практически невозможно: наказание – смертная казнь. В процессе подготовки террористов-смертников молодым людям часто показывают болливудские (индийские) фильмы про красивую жизнь как иллюстрацию того, что ожидает их в раю.

Идеологию аш-Шабааб подробно изучил норвежский исследователь Стиг Ярле Хансен в книге “Аш-Шабааб в Сомали: история и идеология военной исламистской группы, 2005–2012 гг.”, проведя основательный теоретический анализ деятельности этой организации и поделившись личными впечатлениями за 14 лет работы в регионе⁹. Как и два других автора, С.Я. Хансен с оптимизмом отнесся к появлению аш-Шабааб. Несмотря на очевидное ущемление прав местных жителей, этой организации удалось обеспечить долгожданную стабильность и, как замечает исследователь, заполнить идеологический вакуум, образовавшийся в стране после неудачных попыток реали-

⁹ С.Я. Хансен является автором многочисленных статей и аналитических обзоров по проблемам безопасности на Африканском роге, идеологии религиозных движений в этом регионе и Ближнем Востоке, исламской политической философии.

зации идей марксизма, национализма и диктатуры президента Барре, и сплотить всех вокруг религиозной идеи¹⁰.

По мнению Дж. Фергюссона, в Сомали период правления СИС считался благополучным и стабильным. Пришедшая на смену аш-Шабааб пытается лишь контролировать и держать в страхе жителей, не обеспечивая их ничем. По его мнению, аш-Шабааб отрицает необходимость гуманитарной помощи в Сомали, всячески препятствует ее доставке, считая гуманитарную помощь “политически мотивированной пропагандой”. При этом сама власть не контролирует должным образом использование колодезев и поддержание ирригационных каналов в рабочем состоянии, не регулирует запасы воды, утверждая, что этой проблемы не существует. Одной из непопулярных мер стало введение запрета на передвижение жителей районов, охваченных засухой, что противоречит основам психологии сомалийцев-кочевников, не признающих ограничений для своего главного занятия – скотоводства.

С.Я. Хансен же опровергает утверждения о том, что аш-Шабааб не позволяла международным организациям оказывать помощь местным жителям во время засух. ЮНИСЕФ, Красный Крест, Норвежский совет беженцев, местная сомалийская благотворительная организация “Zamzam” продолжали работать в регионе и не встречали противодействия со стороны аш-Шабааб. Отношения не складывались с представителями из Всемирной продовольственной программы (WFP). Руководство аш-Шабааб запрещало этой организации ввозить гуманитарную помощь, так как иностранные продукты ухудшали условия для развития местного бизнеса на рынках страны, по их мнению, зарубежные благотворители из WFP наводняли Сомали не только низкокачественными, но и просроченными продуктами.

Один из респондентов Дж. Фергюссона – сомалийский юноша Аден, историю его жизни журналист называл “кратким изложением сомалийской катастрофы”. Семья мальчика практически полностью погибла во время обстрела их дома, его младшему брату удалось добраться до Йемена. Приход к власти СИС, по его словам, сделал Могадишо на некоторое время безопасным местом. Но детям и взрослым было запрещено играть в футбол и смотреть футбольные матчи в общественных местах, в мечетях били за опоздание на молитву, патрули на улицах проверяли, нет ли на мобильном телефоне музыки или фильмов, если же что-то в телефоне не устраивало проверяющих, его разбивали и заставляли глотать sim-карту. В автобусах молодых людей раздевали, чтобы проверить, обрезаны ли они. Если нет, это делалось прямо на месте обычным кухонным ножом, причем процедура была платной – 3 долл. Для молодого сомалийца в этой стране есть три пути, утверждал Аден: вступить в аш-Шабааб, быть убитым ими или бежать за пределы страны. Пойманным отрубали голову. Больных сомалийцев, обратившихся за помощью в больницы при международных организациях, также могли казнить. Наличие золотых зубных коронок расценивали как стремление к роскоши, а потому бойцы аш-Шабааб просматривали зубы сомалийцев во время проверок и удаляли золотые коронки и зубы прямо на месте. Школьных учителей били, если те обучали девочек¹¹.

С.Я. Хансен отмечает, что экономическая политика руководства аш-Шабааб вызывала противоречивое отношение как местного населения, так и иностранных наблюдателей. Сомалийцы были вынуждены платить налог в 5% с зарплаты, 10–15% от доходов предпринимательства в фонд аш-Шабааб. Однако, несмотря на недовольство местного населения, введение налогов привело к повышению безопасности в контролируемых аш-Шабааб районах и как следствие – к росту и расширению местного бизнеса. Так же обстояло дело с взиманием платы за проезд через контрольно-пропускные посты: деньги шли на приведение в порядок дорожного покрытия. Автор замечает, что дороги, контролируемые федеральным правительством, находились в более плачевном состоянии, нежели те, что контролировались “повстанцами из аш-Шабааб”.

¹⁰ Даже введение обязательного ношения хиджаба для сомалийских женщин было воспринято и местными жителями, и зарубежными наблюдателями с оптимизмом – одетые согласно строгим мусульманским правилам женщины были надежнее защищены от насилия.

¹¹ *Fergusson J. The World's Most Dangerous Place..., ch. 4.*

Однако идеологическая близость аш-Шабааб с аль-Каидой привела к тому, что эта организация в 2008 г. была объявлена террористической в США, в 2009 г. – в Австралии и в 2010 г. – в Великобритании и Канаде.

С.Я. Хансен называет аш-Шабааб “дитя войны с террором”, порождением присутствия в регионе оккупационных армий, борющихся с терроризмом. Усилившиеся пограничные проблемы с Эфиопией и как следствие антиэфиопские настроения в 2007–2009 гг., по его мнению, вызвали повышение военной активности аш-Шабааб и увеличение числа рекрутов, в частности среди диаспоры. Не последней причиной возникновения этой организации он называет коррупцию и нецелевое использование фондов правительств Сомали, поддерживаемых Западом. С.Я. Хансен обращает внимание на попытки организаций ООН по развитию воспитать будущие полицейские кадры для Сомали, не задумываясь об их гарантированном трудоустройстве по профессии и обеспечении их достойной зарплатой. Таким образом правительство Сомали и ООН выступили лучшими союзниками аш-Шабааб. Воспитанники тренировочных центров ООН по окончании курсов пополняли тренировочные лагеря аль-Каиды, становились террористами-смертниками или вступали в ряды аш-Шабааб, где обещалась оплата работы по следующему тарифу: 20 долл. – за успешную атаку с использованием гранаты, 30 долл. – за убийство “вражеского” солдата, 100 долл. – за результативный подрыв на дороге и т.п. Деньги не обязательно выплачивались, но, по крайней мере, обещались, и это являлось притягательным мотивом для вступления в аш-Шабааб.

С.Я. Хансен подробно анализирует процесс вербовки в ряды террористов, в частности появившиеся к 2007 г. интернет-сайты, к моменту окончательного выхода аш-Шабааб из СИС и усиления радикализации этой молодежной организации. Сайты на английском, арабском и сомалийском языках отличались по содержанию. Так, для привлечения фондов зарубежных исламистских организаций (на английском) использовались панисламские символы, звучали призывы к глобальному джихаду, в то время как на сомалийских сайтах преобладали националистические идеи и призывы к борьбе с эфиопским вторжением, на арабских сайтах проповедовалась идеология аль-Каиды, могло проявляться пренебрежение к сомалийским культурным ценностям (иницировались гонения на последователей суфизма и др.) во имя идей глобального джихада и столкновения цивилизаций.

Существенные разногласия наблюдаются и на местном уровне. Руководители аш-Шабааб не могут прийти к единому мнению по многим вопросам: как относиться к представителям различных мусульманских толков, к вхождению в ряды аль-Каиды, к запрету жевания наркотического ката и т.п.

СОМАЛИЙСКИЕ КЛАНЫ И КОЛОНИАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Большая часть сомалийских проблем заключается в непоколебимости кланового деления населения. Одни исследователи уподобляют эту систему делению на касты в Индии, где за каждой кастой закреплена не только определенная социальная, но и профессиональная ниша. Другие – считают эту систему пережитком, который современные сомалийцы готовы игнорировать.

Кланы в Сомали существовали давно, их вражда нередко была непримирима, однако их взаимоотношения строго контролировались традиционным сводом правил – хеер. Дж. Фергюссон отмечает, что Сомали представляет яркий пример последствий проведения политики колониальных властей “разделяй и властвуй”. Он сравнивает сомалийские проблемы со схожими межэтническими разногласиями, приведшими к геноциду в районе Межозерья, и приходит к выводу, что в отличие от испытывавших недоверие и враждебность к друг другу народов хуту и тутси, все сомалийские кланы родственны и их конфликт больше напоминает семейную междоусобицу, вышедшую из-под контроля, нежели гражданскую войну в полном смысле слова.

Дж. Фергюссону удалось встретиться с представителями политической элиты Сомалиленда и Пунтленда, а также центральных районов страны. За редким исклю-

чением все они – успешные представители сомалийской диаспоры, вернувшиеся на родину, однако немногие имеют опыт политического руководства или руководства вообще. Взаимодействие между политиками отчасти вынужденное, что, как отмечают некоторые из них, является следствием применения так называемой формулы “четыре с половиной” (при которой власть в стране делится между четырьмя основными кланами, а меньшинствам предоставляется половина полномочий). В результате для получения поста в правительстве определяющей оказывается клановая принадлежность претендента, а не его личные качества и опыт, и уволить его означает нарушить реализацию этой формулы. Члены правительства слабо взаимодействуют между собой, общая идея отсутствует, периоды относительного затишья нестабильны и провокации клановых командиров непредсказуемы.

М. Харпер в книге “Недопонимая Сомали: вера, война и надежда в разрушенной стране” называет Сомали “целым миром в одной стране, собранием разных народов, которых объединяет исламская религия, да и та делится на многочисленные секты”.

Журналистка считает, что к реализации идеи Великого Сомали страна максимально приблизилась в 1936–1941 гг., когда большая часть территорий контролировалась сначала итальянской, затем британской администрацией. Идея не была реализована на практике, хотя за последнее десятилетие технологического прогресса ее виртуальную реализацию можно считать вполне состоявшейся. М. Харпер приходит к выводу, что “для сомалийцев, кочевников по природе, не было смысла ни в делении на пять колониальных территорий, ни в существовании центрального правительства”.

Книга М. Харпер вышла в серии “Африканские дискуссии” (African arguments Series) – это сборники статей о современных проблемах в африканских странах, предназначенные для студентов и читателей, не являющихся специалистами в этой области. В этой серии, издаваемой при поддержке британского Королевского африканского общества, уже насчитывается несколько десятков книг¹².

Не претендующая на анализ событий сомалийской истории М. Харпер в книге цитирует и пересказывает работы британского антрополога и авторитета в сомалиеведении Йена Льюиса, не подвергая их сомнению, что, на наш взгляд, не мешает ей в дальнейшем самостоятельно интерпретировать процессы, происходящие в современном Сомали, компенсируя недостатки в общем представлении об истории государства значительным опытом личных наблюдений и длительного пребывания в стране.

Ее ссылки на работы Й. Льюиса вызвали недовольство некоторых исследователей-сомалийцев, которые считают его труды устаревшими. Один из них – молодой сомалиец со степенью магистра Лондонского университета Мохаммед Хаджи, автор многочисленных статей – книжных обзоров в журнале Англо-сомалийского общества и на различных интернет-сайтах.

“Как некогда Сиад Барре на протяжении более двух десятилетий диктовал сомалийскому народу, как жить, так Льюис более 50 лет диктовал исследователям как изучать Сомали”, – пишет М. Хаджи в рецензии на книгу М. Харпер¹³. Работы “классика колониальной антропологии”, в том числе и недавние, основываются, главным образом, на его наблюдениях в период двухлетних полевых исследований в 1950-х годах и его этнографических (а не исторических!) знаниях. Полувековая трансформация и развитие сомалийского общества, равно как и мнения исследователей-оппонентов, в них не учитываются, заключает М. Хаджи¹⁴. Сомалийский исследователь утверждает, что в начале и середине XX в. социальные антропологи пришли на смену христиан-

¹² Подробнее см. <http://africanarguments.org/about-african-arguments/the-book-series/>

¹³ http://www.mogadishutimes.com/index.php?option=com_content&view=article&id=415:getting-somalia-right-review-essay&catid=1:qorshe-cusub

¹⁴ На чрезмерную увлеченность Й. Льюиса клановой системой сомалийского общества и попытки объяснить все процессы в Сомали через взаимодействие кланов указывает и американский профессор Кен Менкхаус. Рецензируя книгу М. Харпер, он отмечает слабость ее исторической части. – <http://sites.tufts.edu/reinventingpeace/2012/06/26/review-of-mary-harpers-getting-somalia-wrong-faith-war-and-hope-in-a-shattered-state/>

ским миссионерам в Африке, от которых они унаследовали способность говорить с колонизованными народами на их языках или на своем, которому они обучили местных. Одной из главных задач колониальной антропологии стала разработка методов для лучшего понимания колониального общества с целью более эффективного управления им. Колониальные антропологи представляли устройство общества не таким, каким оно являлось на самом деле, а таким, каким его хотели видеть колониальные власти, каким его было проще понять, прибегая к понятным и доступным описаниям. Хаджи указывает на то, что только в работе 1998 г. “Сомалийцы и их святые”¹⁵ Льюис признал, что британцы были колонизаторами, а не покровителями колоний, как он именовал их прежде.

М. Хаджи укоряет М. Харпер в некомпетентности в отдельных проблемах Сомали, в частности в вопросах конфликтологии, так как она считает сомалийский конфликт уникальным, утверждая, что в основе его лежат клановые противоречия. Многие организации и объединения в Сомали изначально создавались на базе нескольких кланов, хотя со временем и приобретали одноклановую структуру, как это произошло с Демократическим фронтом спасения Сомали (SSDF) после того, как его возглавил полковник Абдуллахи Юсуф в конце 1980-х годов. М. Харпер в большей степени интересуется отношением к клановой структуре современных сомалийцев, нежели проблемами взаимодействия кланов. Она приводит несколько интервью из личного архива, взаимоисключающие рассуждения самих сомалийцев о структуре сомалийского общества: “клановая система – это центр сомалийской вселенной”, “рассмотрение проблем Сомали через призму клановой системы – доисторический подход”, “клановая система не существует” и т.п. Клановое деление в Сомали – основа общественного устройства. Клановое взаимодействие можно ограничивать, насильственно стравливать кланы или не замечать их (как это сейчас многие стараются делать), либо, наоборот, выявлять и учитывать в представительских органах. Решение за сомалийцами.

ПИРАТСТВО

Пиратство в Сомали – излюбленная тема журналистов. Так, Дж. Фергюссон рассказывает легенду о происхождении одного из сомалийских кланов – дарод, представители которого проживают в районе Пунтленда. Некогда человек украл тапочки у пророка Мухаммеда, в наказание пророк произнес фразу “ты изгнан”, что по-арабски звучало приблизительно как “дарод”. Нет ничего удивительного в том, что местные жители становятся пиратами, так как их предрасположенность к воровству была замечена еще в VII в., делает вывод журналист. Однако согласно клановой легенде его основателем был благородный араб Даруд Джабарти, потерпевший кораблекрушение у берегов Сомали, который и дал начало и имя клану.

Сомалийские пираты стали героями художественных фильмов¹⁶, многочисленных романов¹⁷, телевизионных передач, для встречи с ними журналисты, рискуя жизнью, отправляются в “самое опасное место на земле”. Один из репортажей, сделанный группой журналистов из разных стран, рассказывает о сомалийцах, зарабатывающих

¹⁵ Lewis I.M. *Saints and Somalis: Popular Islam in a Clan-Based Society*. London, 1998.

¹⁶ Только в 2012 г. увидели свет документальный фильм “Украденные моря” (Stolen Seas) режиссера Тимая Пэйна, игровые короткометражки Каттера Ходирна “За рыбой без сети” (Fishing without Nets) и Рафика Самсодиена “Асад” (Asad). Эти фильмы относятся к жанру “докудрама” и претендуют на кинематографические награды, либо уже их получили.

В 2013 г. вышли в прокат сразу два фильма – “Захват” (A Hijacking) Тобиаса Линдхолма и “Капитан Филлипс” (Captain Phillips) Поля Гринграсса.

¹⁷ Haber Q., Fayrus N. *The Somali Pirate (The Somali Pirate Trilogy)*. New York, 2009; Coonts St. *Pirate Alley: A Novel*. New York, 2013; Copeland J., Sho En Kan Nei. *Monsieur Chen and the Somali Pirates*. 2013 (http://www.artistrising.com/_code/Product/Gallery.aspx?aiid-64638&Num-1&filter-21945&sortBy=title&pg-16).

деньги, играя роль пиратов для западных СМИ на территории Кении¹⁸. “Зачем настоящему пирату давать вам, белым ребятам, интервью за деньги, когда он зарабатывает намного больше совсем другим?”, – спрашивает “глава местных пиратов” Адан-Башир¹⁹. Люди, бизнес которых – “притворяться сомалийскими пиратами”, даже не всегда являются “настоящими” сомалийцами, а принадлежат к соседним этническим группам. “Актеры” считают этот бизнес прибыльным, с гордостью говорят о доходе в 200 долл. за день. Адан-Башир в 2009 г. давал интервью в качестве пирата в документальном фильме датского репортера Расмуса Крата “В логове сомалийских пиратов” (Meeting the Somali Pirates). Этот же кенийский сомалиец представлен пиратом в статье в журнале “Тайм” в 2010 г.²⁰

Дж. Фергюссону удалось побеседовать с президентом Пунтленда, который поведает о собственных усилиях в борьбе с пиратством. Тогда, в 2009 г., ни одна международная организация не поддерживала его начинаний. Возможно, с одной стороны, пиратство было выгодным для международных организаций (о наживе на страховых выплатах много и со знанием деталей написал наш соотечественник М. Войтенко²¹), с другой – как указывают все журналисты и интервьюируемые ими “пираты”, сам президент региона получает от пиратства свою долю за бездействие. Деньги от пиратов получают и местные группировки аш-Шабааб. Большинство пиратов – наследственные рыбаки, которым мешают заниматься рыболовством международные компании, ведущие незаконный рыболовный промысел у берегов Сомали. До недавнего времени пираты не наносили вреда заложникам, придерживаясь принятого среди моряков морского кодекса, пока в пиратский бизнес не пришли “чужаки” – люди, стремящиеся разбогатеть любым способом. Линдхолм, датский режиссер фильма “Захват”, говорит: “Я не считаю пиратство хорошей идеей, но могу понять молодых и голодных сомалийцев, которые видят гигантские корабли-рефрижераторы, проплывающие мимо них. И ни одна международная организация не делает ничего. Это безумно сложный вопрос”²².

М. Харпер отдельную главу посвятила сомалийскому пиратству, называя его “самым успешным пиратством в истории”. Журналистка указывает на существование многочисленных мифов вокруг пиратства в Сомали, излишнюю романтизацию образа пиратов в СМИ. Из ее интервью и личных впечатлений от общения с пиратами при обсуждении размеров выкупа и освобождении заложников следует, что пираты являются нарушителями закона, а не благородными рыцарями, нередко не осознают ни значимости захваченных кораблей, ни размеров суммы выкупа, который они требуют. В отдельных случаях они даже не знают, какой выкуп просить. А получив несколько миллионов долларов, не всегда могут на своих лодках благополучно добраться до берега из-за штормов.

Стать обладателем шикарного внедорожника и устроить собственную свадьбу с празднованием на несколько дней – вот мечта сомалийского пирата, пишет М. Харпер. Оправдываясь борьбой с незаконным рыбным промыслом, пираты нападают на любые корабли и не только в своих водах. В действительности же они сами не дают местным рыбакам рыбачить, или сами рыбаки попадают под подозрения в принадлежности к пиратскому промыслу. К пиратам относятся по-разному. Жители прибрежных

¹⁸ *Osman J.* The “Somali pirates” who are not what they seem. – <http://www.channel4.com/news/somali-pirates-journalists-jamal-osman-time-magazine-kenya>

¹⁹ Собственно, многие программы о путешествиях в “неизведанные земли к диким племенам” сводятся к посещению одних и тех же “потемкинских” племен, которые зарабатывают деньги, сохраняя (демонстрируя) свою самобытность. Остальное – дело техники, телевизионных спецэффектов.

²⁰ *Wadhams N.* Down and Out in Nairobi: Somali Pirates in Retirement. – <http://www.time.com/time/magazine/article/0,9171,1978764,00.html#ixzz2cgsCACK5>

²¹ См., например: *Войтенко М.* Феномен сомалийского пиратства – исследование. – <http://www.odin.tc/disaster/piracyresearch.asp>

²² <http://www.france24.com/en/category/tags-auteurs/jon-frosch>

районов считают, что пиратство способствует их экономическому благосостоянию: местные рестораны и магазины снабжают пиратов едой, всегда готовы предоставить европейские продукты для содержания заложников. Местные молодые люди сетуют, что богатые женихи-пираты лишают их лучших невест, повышая стоимость брачного выкупа и свадебных расходов. Представители иностранных компаний (владельцы грузов, самих кораблей или ответственные за членов экипажа) в случае неудачного захвата судна пиратами обезоруживают последних, снабжают едой, сажают в их же лодки и отправляют обратно на берег. Случаев казни пиратов немного: кто-то попал в тюрьмы на родине, другим повезло куда больше – они попали в европейские тюрьмы. Здесь многие впервые узнали, что такое душ, постель и телевизор. После освобождения из тюрьмы заключенные обычно планируют подать прошение о предоставлении убежища в этих же странах.

Тема пиратства непосредственно связана с темой заложников и их судьбами. Выжившие заложники описывали их совсем не как “сомалийских Робин Гудов”²³. Экономический ущерб от пиратства и как следствие – необходимость искоренения пиратства – стали основной темой аналитических исследований несомалийских авторов²⁴. Сомалийцы же на интернет-форумах, но не в авторских исследованиях, зачастую анонимно, обсуждают абсурдность образа сомалийских пиратов, создаваемого в СМИ, расценивая пиратство как очередную провокацию Запада с целью подчинения Сомали или как способ обогащения страховых компаний.

СОМАЛИЙСКАЯ ДИАСПОРА

В поисках причин сомалийского конфликта Дж. Фергюссон интервьюировал и представителей сомалийской диаспоры, главным образом в Великобритании и США. В Лондоне он посетил ночной клуб для сомалийцев в сопровождении сомалийской девушки – социального работника, где был встречен почти враждебно, описал свои ощущения от жевания ката, традиционного сомалийского растительного наркотического средства (уточняя, что в Великобритании оно разрешено). Журналист побеседовал с успешно адаптировавшимися представителями диаспоры; узнал о сомалийских бандах на улицах Лондона и Твин Ситис, о проблемах адаптации учеников-сомалийцев в школах. Атлетические способности мальчишек-сомалийцев используют наркодилеры, нанимая их “курьерами-бегунами” – поскольку полицейским редко удается догнать их и задержать.

После террористических атак в Лондонском метро в 2005 г. всех без исключения сомалийцев взяли на контроль в полиции. Удивителен тот факт, что большинство самоубийц-террористов, совершивших теракты в Сомали, Кении и других странах, приезжали в Африку, подчас не бывая там прежде, имея “в диаспоре” вполне благополучные условия проживания. Их семьи, друзья не замечали ничего особенного в поведении молодых людей, пока не слышали в новостях о терактах, совершенных ими. Абу Мансур аль Амрики – полукровка из Алабамы с сирийскими корнями – известен активным участием в руководстве аш-Шабааб и сочинением текстов рэпа, выложенных для публичного доступа в интернете и использовавшихся для вербовки молодых американцев в аш-Шабааб. Вербовка могла происходить в мечети при участии имамов,

²³ *Phillips R., Talty St. A Captain's Duty: Somali Pirates, Navy SEALs, and Dangerous Days at Sea.* New York, 2011; *Chandler P., Chandler R., Edworthy S. Hostage: A Year at Gunpoint with Somali Pirates.* New York, 2012, и др.

²⁴ *Carlson J.C., Hinz R.C., Boardman A., Boardman M. The Somali Pirate Project: Human Prey in the Gulf of Aden.* 2011. – <http://www.amazon.com/The-Somali-Pirate-Project-Human-ebook/dp/B004S81ST2>; *Daniels Ch.L. Somali Piracy and Terrorism in the Horn of Africa (Global Flashpoints: A Scarecrow Press Series).* Plymouth, 2012; *Yikona S. Pirate Trails: Tracking the Illicit Financial Flows from Pirate Activities off the Horn of Africa (World Bank Series).* Washington, 2013, и др.

в учебном заведении самими студентами или с помощью “шейха Гугла” – в процессе самостоятельного просмотра исламистских экстремистских сайтов.

Большинство опрошенных Дж. Фергюссоном сомалийцев, не разделяя идеологии движения аш-Шабааб, отчасти все же признают правоту принципов этого движения. Журналист называет их “кабинетными националистами”: они никогда не были в Сомали, всю информацию получают из вторых рук и предпочитают рассуждать в традиционном духе – “любые средства хороши, лишь бы против Эфиопии”.

Роль диаспоры в восстановлении страны велика. Собственно, экономика Сомали главным образом основывается на средствах, получаемых из диаспоры, рассредоточенной по всему миру. До 1991 г. среди сомалийцев, выезжающих за пределы страны, было много востребованных специалистов с высшим образованием, однако с появлением толп сомалийских беженцев “имидж” диаспоры подпорчен. “Сознательные” ее члены пытаются в меру сил решать проблемы, которые создают их соотечественники. Так, объединившись, лондонские сомалийцы приняли деятельное участие в спасении семейной пары Чэндлер, взятой в заложники сомалийскими пиратами, образовали молодежное антитеррористическое движение, тесно сотрудничают с социальными службами, оказывающими поддержку сомалийцам. Активисты лондонской диаспоры создали и запустили проект “Универсальное ТВ” сомалийского канала, призванного объединить по возможности всех сомалийцев за пределами Сомали. На этом канале работает телефонная служба для молодых сомалийцев, которым необходим совет религиозного наставника – имама. Семь таких имамов безвозмездно помогают им “оставаться хорошими мусульманами на Западе”²⁵.

Вдохновляющим примером для молодого поколения сомалийцев, по мнению Дж. Фергюссона, должны стать успехи сомалийского бегуна Мо Фараха, завоевавшего летом 2012 г. две олимпийские золотые медали. Мо приехал в Лондон в 1991 г. как беженец, он плохо говорил по-английски, с трудом адаптировался в школе, однако благодаря учителю физкультуры и врожденному атлетическому таланту стал гордостью сомалийской диаспоры. Без таких людей, как Мо Фарах, заметил журналисту один из сомалийцев, сами сомалийцы могут стать самыми плохими и опасными людьми на земле, такими же, какой, по мнению Фергюссона, является их страна.

НЕСОСТОЯВШЕЕСЯ ИЛИ РАЗРУШЕННОЕ ГОСУДАРСТВО?

“Несостоявшееся государство” (failed state)²⁶ – то, в котором центральное правительство так слабо или неэффективно, что оно фактически не контролирует большую часть его территории. Согласно публикуемому ежегодно Фондом мира (Fund for Peace) индексу несостоявшихся государств к 2013 г. Сомали уже шестой год занимает первое место. Оценивая современное состояние страны, М. Харпер намеренно не употребляет термин “несостоявшееся государство”, но “разрушенное”, указывая тем самым на несправедливость общей оценки положения Сомали как в СМИ, так и в научных исследованиях, характеризующих современное состояние государства словами “война”, “падение”, “провал”. Отдельные регионы Сомали отличаются вполне стабильным экономическим и политическим развитием.

На своей личной странице в интернете М. Харпер недоумевает по поводу “сомнительного” имиджа Могадишо. После выхода книги “Недопонимая Сомали” в издательство позвонил владелец книжного магазина на рынке Бакара в центре Могадишо, желая приобрести партию книг. На вопрос о сложности перечисления оплаты заказа сомалиец сообщил адрес ближайшего к редакции интернет-кафе, в котором заказ был оплачен сомалийским посредником немедленно. Он же отправил книги с курьером в Могадишо, и через несколько дней М. Харпер получила фото посетителей магазина, читающих ее книгу.

²⁵ *Fergusson J. The World's Most Dangerous Place...*, p. 102.

²⁶ <http://library.fundforpeace.org/fsi13-overview>

Журналистка рассуждает, почему одни районы Сомали смогли выжить и даже экономически преуспеть в период развала страны, а другие – потеряли все? Возможно, одним из объяснений выборочного процветания в эпоху развала является несовместимость традиционной кочевой психологии и идеи централизованной государственности. Экономист П. Литтл еще в 2003 г. написал о возможности развития капиталистических отношений при отсутствии государственной власти в Сомали²⁷. М. Харпер восхищается непререкаемой поручкой и полным доверием, царящими в среде сомалийских бизнесменов, – именно в этом она видит объяснение успешной деятельности сомалийских компаний по переводу денег.

Многочисленные международные конференции по вопросам урегулирования положения в Сомали, проводимые за пределами страны в комфортабельных условиях дорогих отелей, по мнению М. Харпер, увеличивают пропасть между обычными сомалийцами и правящей элитой (или лишь создающей впечатление для иностранных наблюдателей, что обладает властью на родине?). По ее наблюдениям, участники многочисленных конференций по проблемам Сомали предпочитали заниматься обсуждением проблем, а не принимать практические решения. Многие сомалийские лидеры научились быть убедительным в привлечении иностранных спонсоров для проведения дискуссий, длящихся по нескольку лет. При этом их участники годами живут в отелях на средства спонсоров, периодически встречаясь друг с другом в конференц-зале, во все не стремясь увидеть Сомали своими глазами.

Автор книги подчеркивает, что различные группы по разрешению конфликтов существуют отдельно и не взаимодействуют. “Пузырь из Найроби” (Nairobi bubble) – группа высокооплачиваемых чиновников-сомалийцев с базой в Кении – проживает в отелях в Кении. Другая независимая группа – сомалийцы, работающие на ООН, – базируется в Нью-Йорке. Эти группы соревнуются между собой в поиске решений проблем Сомали, а сомалийские политики извлекают из этого свою выгоду. Так, в докладе ООН (июль 2012 г.) указывалось, что “70 млн долл., выделенных на восстановление Сомали, оказались неучтенными и осели в карманах сомалийских политиков”. Сомалийцы же, в свою очередь, обвинили ООН в чрезмерном финансировании чиновников ООН, находящихся в Кении, которые вообще не посещают Сомали.

Исследователи могут не согласиться с мнением М. Харпер по различным вопросам, однако ее книга приглашает к дискуссии как самих сомалийцев, так и несомалийцев. Повествуя об успешном опыте государственного строительства в Сомалиленде, она призывает извлечь полезные уроки для других регионов Сомали, а не продолжать политику отделения, в чем ее обвиняют сомалийские участники форумов по обсуждению ее книги. Опыт работы компаний по переводу денег в эпицентре “самого опасного места на земле” может стать полезным и для других стран. Так доставка экземпляров книги М. Харпер в благополучную Кению заняла намного больше времени и усилий, чем в Могадишо.

За последние 20 лет Сомали стало в некотором роде площадкой для международных экспериментов в области миротворчества, государственного строительства и преодоления последствий природных бедствий²⁸. Благодаря близости к арабским странам (угроза исламского терроризма), географическому расположению (пиратство) и природным особенностям (засухи) Сомали привлекает разного рода зарубежную интервенцию – военную, дипломатическую и гуманитарную. Вторжение войск ООН (США) в Сомали в 1992–1995 гг. – она называет “самым ярким примером недопонимания Сомали”.

²⁷ Little P. Somalia: Economy without State (African Issues). Bloomington, 2003.

²⁸ Замечу, что в последние годы появилось несколько работ, оспаривающих позитивный образ и положительную эффективность деятельности гуманитарных организаций, работающих в зонах конфликтов, в том числе в Сомали. Например: *Waal A. de. Famine Crimes: Politics & the Disaster Relief Industry in Africa*. London, 2009; *Hogan T. Beyond Good Intentions: A Journey into the Realities of International Aid*. New York, 2012, и др.

М. Харпер призывает дать сомалийцам возможность найти собственный путь решения их проблем, собственный путь развития, пусть через ошибки, пусть этот путь не является идеальным для всех регионов страны, но так, чтобы не допустить распространения конфликта за пределы Сомали, в том числе с помощью многочисленной диаспоры. Она оптимистично относится к настоящему Сомали и с надеждой пишет о его будущем. Критики замечают, что столь эмоционально может писать только зарубежный исследователь, не отягощенный и не скомпрометированный клановой принадлежностью, и женщина, которая не принадлежит к сомалийскому обществу, позволяющая себе открыто судить о “мужских” проблемах, свободно передвигаться по стране и встречаться с разными людьми.

* * *

Будущее Сомали остается неопределенным, несмотря на многократные попытки различных организаций по меньшей мере направить вектор развития этой страны в определенную сторону. Процветающая и самоуверенная сомалийская диаспора не находит психологической поддержки на родине, хотя родина существует практически исключительно на средства, присылаемые сомалийцами диаспоры. Клановые взаимоотношения, в которых многие аналитики видят основную причину невозможности стабилизировать ситуацию в Сомали, при определенных условиях (например более жестком характере политического лидерства) могут стать положительным фактором. В свою очередь, успешный опыт самостоятельного развития Сомалиленда может стать образцом для наведения порядка в небольших автономных областях Сомали с последующим их объединением в федеративное государство. В любом случае, согласимся с М. Харпер, надо предоставить Сомали и сомалийцам максимальную свободу в выборе собственного пути развития.